

И.Л. Гапонцев

МИРОСОСТЕМНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ВЕРСИЯ ИММАНУИЛА ВАЛЛЕРСТАЙНА

Валлерстайн, Иммануил (Wallerstein, Immanuel), р. 1930 – американский социолог, профессор Йельского ун-та, основатель и руководитель Центра Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций (при Бингемптонском ун-те). В 1994-1998 гг. – Президент Международной социологической ассоциации. Крупный политический мыслитель современности, один из создателей (наряду с Самиром Амином, Андре Гундер Франком, Джованни Арриги, Теренсом К. Хопкинсом) и наиболее активный пропагандист *миросистемного анализа (МСА)*. Представитель левого направления современной политической мысли.

Начав свою деятельность как социолог-африканист, **В.** получил признание в качестве «универсального» теоретика-обществоведа, осуществившего в рамках своей концепции теоретический синтез истории, экономики, социологии и политической науки. Близок к марксистской традиции, переинтерпретированной в духе взглядов мыслителей Франкфуртской школы, Ф. Фанона и представителей «антиимпериалистического» экономического анализа, таких, как Р. Пребиш, С. Фуртадо, А. Эмманюэль. От них **В.** почерпнул свои ценностные основоположения, определяющие отбор методологических принципов, на которых должна строиться «синтетическая» социальная теория – идеалы эгалитаризма и демократии, концепцию происхождения неравенства из неэквивалентного обмена, сочетающегося с давлением военно-политической мощи наиболее развитых капиталистических государств миросистемы, ориентацию на ускоренное революционное преобразование несправедливого общественного устройства во всемирном масштабе.

В качестве одного из основных теоретико-методологических источников концепции **В.** следует назвать работы Ф. Броделя, через которые в *МСА* пришла традиция трактовки капитализма в качестве «противорынка», соединяющего в себе накопление в сфере обмена с силой

поддерживающего этот процесс государства, стоящего на службе у капиталистов как представителей своего рода «рыночной олигархии». В таком понимании прослеживается влияние идей М. Вебера о роли государства и идеологии в поддержании того или иного экономического порядка. Через Ф. Броделя в теорию **В.** пришли идеи Н. Кондратьева и Й Шумпетера о циклическом характере развития социально-экономических систем и идеи К. Поланьи о трех видах таких систем в истории – реципрокных, редистрибутивных и рыночных (у **В.** соответственно: *минисистемы, мироимпении и мироэкономики*). В миросистемном анализе **В.** нашли свое выражение и взгляды классиков геополитики, в частности А.Т. Мэхэна, об определяющей роли контроля над морскими пространствами для установления геополитической гегемонии.

В итоге возникла достаточно связанная *система понятий*, относительно адекватно описывающая историческую реальность примерно с 1500 года. Для этого **В.** разработал и ввел в научный оборот такие понятия, как *современная миро-система* (или, чуть уже – *капиталистическая мироэкономика*), разделенная в пространстве на *ядро, полупериферию и периферию*. *Ядро* состоит из совокупности наиболее развитых капиталистических стран. Благодаря своим передовым позициям в сфере технологии, оно экономически и политически господствует в миросистеме, высасывая необходимые ему ресурсы из стран *периферии* и *полупериферии*, которые в силу этого становятся в значительной степени пассивными субъектами мировой истории, вынужденными более-менее покорно следовать в фарватере политики *ядра*.

Динамика миросистемы во времени определяется действием *закона бесконечного накопления капитала*, регулирующего экономическую жизнь через 40-60-летний *кондратьевские циклы* с *восходящей фазой А* и *нисходящей фазой Б*, «вложенные» в более длительные (примерно 150-летние) *циклы гегемонии* последовательно

Голландии, Великобритании и США. Смена каждой исторической гегемонии сопровождается *тридцатилетней войной* между государствами *ядра*, претендующими на роль нового *гегемона миросистемы*. В этой войне победа всегда достается «более морской» державе. Великобритания к 1815 году победила «более сухопутную» Францию, США в двух мировых войнах к 1945 году победили «более континентальную» Германию. По итогам войны заключается *системное соглашение*, определяющее политический облик мира, легитимирующее новую гегемонию и «правила игры» на эпоху вперед.

СССР трактуется В. как «младший партнер» США, осуществлявший контроль над теми территориями, до которых у Америки не доходили руки. Необходимо заметить, что такое толкование противоречит самой логике *МСА*: если Советский Союз в рамках «биполярного мира» в какой-то мере можно считать геополитическим «партнером» США, то сама «социалистическая система», как и «маоистский» Китай, конечно же, не являлись частью «капиталистической мирозкономики», поскольку на их территориях не действовал «закон бесконечного накопления капитала».

Сейчас, в соответствии с диагнозом *В.*, мы присутствуем при закате очередной гегемонии – американской – со всеми вытекающими из этого последствиями. Специфика нынешнего исторического момента, однако, определяется тем, что нынешний кризис гегемонии совпадает с общим «разбалансированием» и кризисом капитализма, который приближается к своему тотальному краху.

В качестве методологического обоснования своей теории *В.* привлекает авторитет синергетики и теории неравновесных систем И. Пригожина. Однако, его переосмысление синергетического понятия «точка бифуркации», разработанного на базе изучения поведения физических и химических объектов, применительно к социальным системам имеет весьма специфический характер. Будучи понимаема как момент тотального хаоса в обществе, в период которого любые малые случайные воздействия на социальную систему как извне ее, так и

изнутри, способны приводить к результатам, определяющим формирование уникальных сценариев развития, *точка бифуркации* превращается в абсолютно индетерминированную «точку полифуркации».

Согласно логике *В.*, любая социальная система возникает из предыдущей не как закономерное следствие ее исторической эволюции, а как плод случайной комбинаций разного рода внешних и внутренних воздействий, т.е. может быть «любой» по своей природе и внутренней структуре. Тем самым, из картины всемирно-исторического процесса полностью исчезает детерминизм, возможность рационального сравнения различных «миросистем» по единому основанию и возможность сколь-нибудь определенного прогнозирования эволюции человечества в длительной перспективе.

При этом из истории выпадает не только «прогресс», но и «эволюция». Так, капитализм, с точки зрения *В.*, однажды возникнув, на протяжении всего своего полутысячелетнего существования неизменно подчиняется действию одного и того же «закона бесконечного накопления», который, объединяя в единое целое различные страны, обеспечивает существующим порядкам достаточно длительное стабильное существование и делает невозможными и бесперспективными разного рода локальные «восстания против системы».

В то же время, капитализм может и должен, поскольку любая историческая система конечна во времени, погибнуть от роста внутренней нестабильности и наступления мирового хаоса. Признаки нарастания последнего в современную эпоху *В.* видит в глобальном снижении нормы прибыли на капитал в условиях быстрой урбанизации и скорого исчерпания ресурсов дешевой рабочей силы, углублении экологических проблем, росте поляризации в доходах между богатым Севером и бедным Югом, кризисе института современного государства, неспособного справляться с этими проблемами и в крушении либерализма как основной формы идеологической легитимации существующего миропорядка.

Поэтому, согласно *В.*, целью всех демократических, *антисистемных сил* должно являться

всемерное «раскачивание лодки», «конструирование» некоей новой, *сущностно рациональной утопистики* как проекта создания более справедливого «преимущественно эгалитарного» и «в основном демократичного» общества и совершение последней и окончательной *всемирной революции*. На смену капиталистической эксплуатации, социальной и географической поляризации и гнетущему давлению государства должно прийти свободное «общество групп», прообразом которых **В.** полагает современные объединения «зеленых», национальных и сексуальных меньшинств, феминистские организации и т.п.

Между тем, концепция **В.** игнорирует то обстоятельство, что сам «закон бесконечного накопления» за последние, например, сто лет существенно трансформировался под действием роста доли редистрибуции. Что в течение XX века доля ВВП, перераспределяемая через госбюджеты, возросла в большинстве крупных стран с 5-10% до 40-60%, что за этот период было сформировано «государство благосостояния», взявшее на себя огромное бремя социальных расходов. Что тенденция к увеличению доли малого и среднего бизнеса (т.е. бизнеса, в котором уменьшаются наиболее жесткие формы эксплуатации рабочей силы) нарастает, несмотря на временные откаты в отдельных странах. «За кадром» остается важнейшая тенденция конца XX-начала XXI века, когда многие страны мирового Юга, такие, как Китай, Индия, Бразилия, развиваются ускоренными темпами, довольно успешно преодолевая разрыв с развитыми странами Севера. Что, наконец, несмотря на все временные трудности и проблемы, устойчивость социальных систем и способность их реагировать мирными средствами на глобальные и внутренние вызовы нарастает, что на смену революциям все чаще приходят реформы, а институты глобального регулирования экономических, социальных и политических процессов, такие, как G8 и G20, становятся постоянно действующими и все более представительными и, следовательно, все более «демократическими». И это притом, что альтернативные капитализму «антисистемные» движения, типа «зеленых», антиглобалистов или Всемирного социального

форума, делают много шума, но оказываются неспособными предложить миру сколь-нибудь внятной комплексной программы мирового развития.

Тем не менее, основная теоретическая работа **В.** («Мировая система», в 3-х тт.), ставит его в ряд наиболее выдающихся мыслителей современности. Оригинальные наблюдения, смелые выводы и остроумная аргументация, рассмотрение генезиса и истории капитализма как сложной взаимосвязи экономических, социальных, политических, институциональных, правовых, религиозных и прочих процессов, с учетом географических и демографических аспектов не только в европейском, но и в мировом масштабе, делают ее классическим источником, способным, кроме того, пробуждать мысль нового поколения исследователей и вызывать интерес у широкой читающей публики.

«Ближняя» (до всемирной «точки бифуркации») прогностика **В.** также оказывается достаточно адекватной и интересной. В 1980-х он предсказал грядущее включение «мировой социалистической системы» в капиталистическую мироэкономику. В начале 1990-х, в эпоху, казалось бы, полного торжества США в качестве единственного гегемона миросистемы и полного господства «неоконсервативного» либерализма, он говорил о скором закате «американского века» и кризисе радикально-консервативной версии либеральной идеологии. Сделано было еще немало частных прогнозов, многие из которых подтвердились.

Все это позволяет заключить, что миросистемный дискурс в обществоведении, особенно при условии его методологической коррекции с устранением элементов индетерминизма и привнесением большей доли эволюционизма имеет хорошие перспективы в качестве объяснительно-прогностической концепции в истории, экономической науке, социологии и политологии.

Литература:

Wallerstein, I. The Modern World-System. Vol. 1, 2. New York, Academic Press, 1974, 1980; Vol.3. San Diego, Academic Press, 1989; Валлерстайн И. Геополитические миросистемные изменения: 1945-2025 годы – М., Вопросы экономики, 2006,

№4, с. 67-83; Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., Логос, 2003 (сборник статей, лекций и докладов 1997-1998 гг.); Валлерстайн И. Мир, в который мы вступаем: 2000-2050. (Сокращённый вариант доклада в Люксембургском институте европейских и международных исследований). Россия и современный мир. М., 2001, №1, с. 64-75; Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М., Территория будущего, 2006; Валлерстайн И. После либерализма. М.,

Едиториал УРСС, 2003; Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М., Территория будущего, 2006; Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М., Институт общественного проектирования, 2009.

И.Л. Гапонцев

Г.В. Лебедева

ПАМЯТЬ

Память – практика удержания прошлого в настоящем, направленная на конструирование социокультурного пространства и времени, смысл которой задается различием воспоминания и забвения.

П. связана с дифференциацией прошлого и будущего; она определяется этим различием, не соотносясь исключительно с прошлым (М. Хальбвакс, Н. Луман).

Образы прошлого, репрезентируемого П., конструируются и заново воссоздаются во взаимодействии людей.

П., в качестве инкорпорированной истории, связана с понятием габитус, который придает практикам воспоминания и забывания согласованность друг с другом (П. Бурдьё).

Особенностями мнемонических (от греч. «mnēmē» – память) практик являются:

1. *Процессуальный характер* памятования и забвения (Т. Адорно, П. Бергер, Т. Лукман). П., понимаемая как «ретроактивная проработка», перестает мыслиться как статический объект.

Прошлое существует, будучи символизировано в текстуре самой памяти, поэтому мы постоянно переписываем историю и меняем версии пережитого прошлого.

2. *Направленность на конструирование прошлого.* Прошлое является конструкцией, формируемой духовными потребностями и контекстом данного настоящего.

Нет памяти, способной удержать прошлое как таковое; от прошлого остается только то, что общество в ту или иную эпоху способно воссоздать в своих нынешних референциальных рамках (М. Хальбвакс).

Не существует прошлого так такового, оно возникает благодаря обращенности к нему,

посредством воспоминания и забвения (Я. и А. Ассман).

3. *Децентрализация и множественность форм памяти.*

Память выступает в качестве основания тождества личности, что напрямую связывает ее с проблемами персональной идентичности.

Выделение форм П. находится в тесной связи со способами обретения идентичностей в социокультурном пространстве: «культурная память» (Я. и А. Ассман), «автобиографическая память» (В.А. Подорога, Е.Г. Трубина), «коллективная память» (М. Хальбвакс), «соперничающая»/«контр-память» (М. Фуко), «дрейфующая память» (Ж. Деррида), «коммуникативная память» (Н. Луман), «мужская/женская память» (Н.Л. Пушкарева) и др.;

4. *Реабилитация забвения.*

В осмыслении оппозиции «воспоминание-забвение» происходит смещение акцентов в сторону забвения (Ф. Ницше, З. Фрейд), а затем разрушение подобного противопоставления и утверждение забвения в структуре самого «следа памяти» (Ж. Лакан, Ж. Деррида, С. Жижек).

5. *Участие в регулировании и распределении властных отношений.*

Обращение к истории дискурса, которую М. Фуко противопоставлял истории идей, позволило выйти на новый уровень осмысления П.: помимо памяти-архива вводится понятие «контр-памяти», переживаемой как разрыв, дисконтинуальность.

В контексте рассмотрения П. как дискурсивной практики особое внимание уделяется соотношению персональных и коллективных форм П., П. и истории (П. Рикер), П. и власти (М. Фуко).